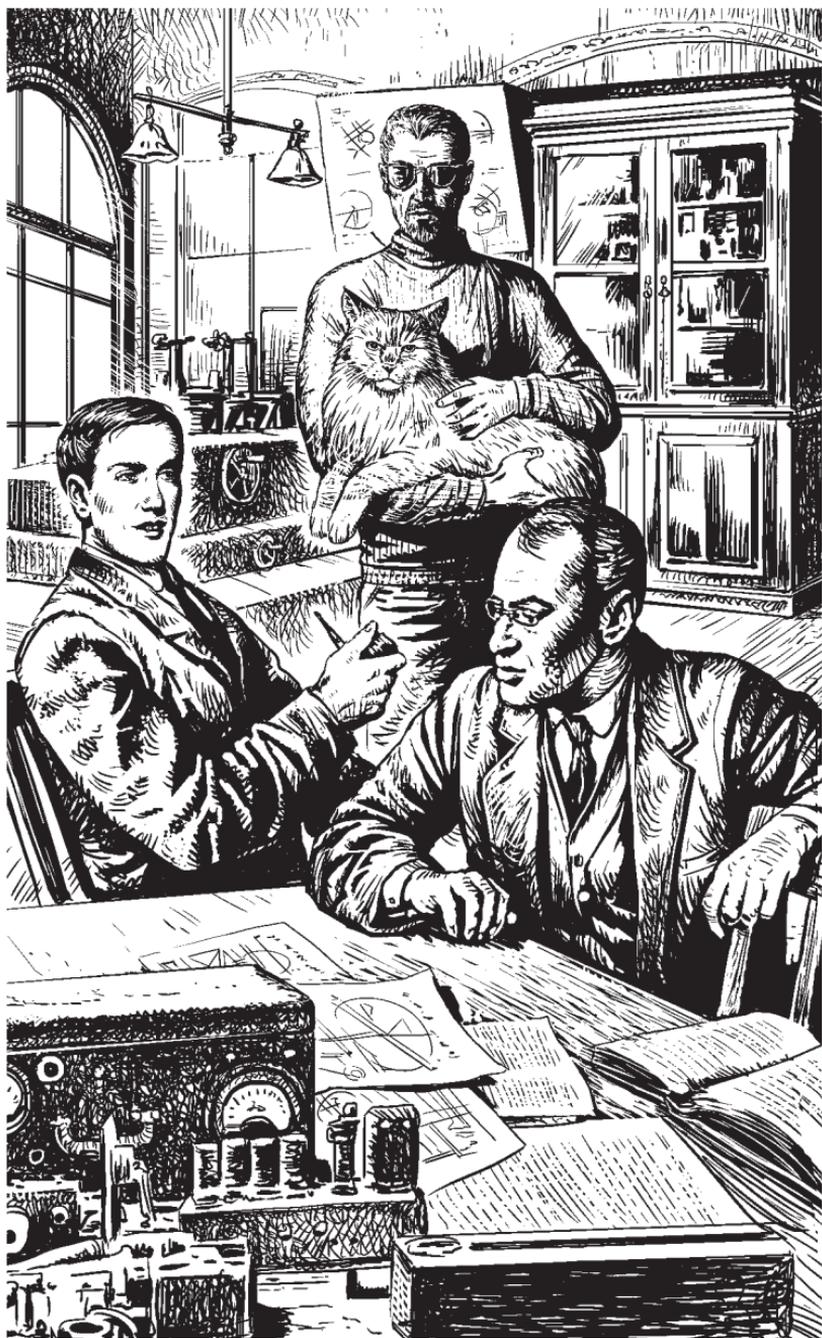




Книги Андрея Величко  
в серии  
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ  
БОЕВИК

Цикл  
«ИНЖЕНЕР»

**ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА  
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА  
ГАТЧИНСКИЙ КОРШУН  
КАНЦЛЕР ИМПЕРИИ  
МИРОТВОРЕЦ  
ГОСТИ НЕЗВАННЫЕ**





ФАНТАСТИЧЕСКИЙ  
БОЕВИК

---

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО

# ГОСТИ НЕЗВАННЫЕ



РОМАН

Москва, 2012  
**САРМАДА**  
&  
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5  
В27

Серия основана в 1992 году  
Выпуск 795

Художник  
**И. Воронин**

**Величко А. Ф.**  
В27 Гости незваные: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 315 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1299-0

Что происходит в Российской империи в тысяча девятьсот четырнадцатом году, через два года после победы в мировой войне? Какие проблемы встают перед ее народом? А перед властью? А перед теми, кому эта власть ну очень не нравится? Ни Александр Кобзев, старший лаборант одного из академических институтов Москвы, ни Виктор Кисин, член партбюро этого же института, никогда не задавали себе подобных вопросов. Но ведь случается, что ответы на невысказанное приходят и помимо нашего желания.

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1299-0  
© Величко А. Ф., 2011  
© Художественное оформление,  
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

## *ПРОЛОГ*

Смена дежурных секретарей государственного канцлера произошла как обычно, то есть в семь утра. Заступивший на этот пост расписался в журнале и откинулся в своем кресле. Никаких дел до появления канцлера не предвиделось, а он обычно приходил от десяти до половины одиннадцатого. Далеко не всегда дежурства начинались, а тем более проходили столь безмятежно, но послезавтра с самого утра канцлер собирался в отпуск, на свою канарскую дачу. А так как он не любил оставлять что-либо важное на последний момент, то на сегодня никаких особых дел и не планировалось. Разумеется, могло произойти что-нибудь непредвиденное, а пока секретарь взялся за только что доставленные утренние номера основных питерских газет — с докладом из народного контроля он уже ознакомился.

Однако уже в восемь утра произошло событие, аналогичных которому за всю свою пятилетнюю службу секретарь мог припомнить от силы десятков. Со второго поста сообщили, что канцлер встал и спешно направился в свой кабинет. Интересно, подумал секретарь, чего это дяде Жоре недоспал? Но подумал он об этом без особого любопытства. Надо будет — ему скажут, что сочтут нужным, а нет значит нет. Задавать лишние вопросы в ближайшем окружении канцлера было не принято.

Канцлер вошел в приемную, кивнул секретарю и проследовал в свой кабинет. Зайдя, он сразу поднял

трубку телефона с орлом вместо наборного диска и сказал:

— Это Найденов. Его величество уже встал? Да, давайте. Гош, доброе утро. И что-то меня терзают смутные подозрения, что и ты тоже вскочил в такую рань не просто так. Я прав? Тогда нам, пожалуй, не помешало бы обменяться впечатлениями, причем не по телефону. Танечка? Нет, специально не вызывал, она минут через сорок сама придет, как раз когда ты подойдешь. Да зачем на вертолете — спешить следует только тогда, когда хотя бы отдаленно представляешь себе, куда и зачем. Или я ошибаюсь и ты все-таки представляешь? Ну и ладно, значит, езжай на авто, дабы не ввергать Питер в тягостные раздумья, куда это их величество с ранья намылилось на вертолете. Я в кабинете, жду. Разумеется, кофе будет. Давай.

Канцлер сел и потянулся к стоящему на столе электрочайнику — так как сегодня он пришел не в обычное время, то, понятное дело, чайник был абсолютно холодным, но все же с водой. Нажав кнопку, Найденов откинулся на спинку стула и задумался.

Его императорское величество Георгий Первый прибыл через полчаса. Быстрым шагом зайдя в кабинет, он сел напротив канцлера.

— Привет, — пододвинул ему чашку с кофе Найденов, — и, пожалуй, начну я, как младший по званию. Итак, сегодня около восьми утра я пробудился в хорошо мне знакомом состоянии. А именно — в таком, какое бывает после закрытия портала. Проснувшись окончательно, я сообразил, что и открытие тоже вроде чувствовалось, причем чуть ли не в тот же момент. Вот, собственно, и все с моей стороны. А что было с твоей?

— Да в общем то же самое, но я в это время не спал и могу сказать совершенно точно — и открытие, и закрытие я почувствовал одновременно. Даже не так — одновременно! У нас, кстати, подобного не получалось ни-

когда. Первое, что я подумал, — это снова дети. Но пока ехал, что-то засомневался.

— Да уж, Вовочка в Крыму, Настя в Москве, но не это главное. Тогда ощущения были совсем другие — будто портал вот-вот откроется. Ты это даже почувствовал не сразу, если помнишь. Нет, хоть наши дети и смогут, я думаю, при какой-то минимальной тренировке тоже открывать порталы, но сейчас это вряд ли были они.

— Тогда Никонов? Ну или еще кто-нибудь из РФ.

— Возможно. Кроме того, это мог быть портал из какого-нибудь третьего мира. Далее, не исключено какое-то природное явление, которое мы с тобой чувствуем как открытие портала.

— Хорошо бы, — кивнул император, — и, кстати, это вполне возможно. Потому как вряд ли портал мог закрыться в момент открытия, а ведь я почувствовал именно это. И что мы теперь будем делать?

— Ты — ничего. А вот я сяду предаваться горестным раздумьям — и как там, на далеком острове Гран-Канария, чувствуют себя мои кошки? Небось скучают. Но поездку придется отложить, это мне интуиция подсказывает, а она у меня берет слово хоть и редко, но всегда по делу. Так что в десять я распоряжусь о введении в действие плана «Недохват», в конце концов, он и был придуман именно на подобный случай.

— Я думал, ты его уже ввел.

— Зачем? Обычно у меня рабочий день начинается в десять, и ни к чему стимулировать всякие пересуды еще и ненормально ранним проявлением активности, которое все равно ничего не даст.

## ГЛАВА 1

Александр подошел ко входу в институт без пяти девять. По привычке глянул направо, где под приветом с застойных времен в виде плаката «Народ и партия едины» уже вторую неделю красовалась примета не то перестройки, не то плюрализма. А именно: крупно и красиво написанное дополнение к основному тексту «Раздельны только магазины». До сих пор не наблюдалось попыток убрать плакат или хотя бы замазать дополнение, что могло говорить о двух вещах: или партия действительно вступила на путь демократизации общественной жизни страны, или она занята чем-то важным и ей не до каких-то там идиотских плакатов. Александр был уверен, что второе предположение гораздо ближе к истине. Судя по поведению знакомых ему коммунистов, добившиеся определенного положения члены партии ныне увлеченно делали деньги, а остальные судорожно искали пути в те сияющие высоты внутрипартийной иерархии, где это станет возможным. Правда, имелась и немалая прослойка коммунистов только по названию, которые и раньше ограничивали свою активность уплатой взносов, а теперь потихоньку забивали болт даже на это.

Впрочем, иногда попадалась на глаза и еще одна разновидность, крайне малочисленная, которую Александр называл про себя «упертые». Как раз сейчас яркий ее представитель и торчал на проходной.

В не столь давние времена, каковые сейчас опреде-

лили как застой, директор института прекрасно обходился пятью замами. Но с началом перестройки их число вдруг начало ударно множиться и к моменту объявления демократизации и гласности достигло тринадцати. Последним к этой команде прибавился зам по режиму Постигань, который сейчас как раз занял исходную позицию, чтобы через полчаса начать отлавливать опоздавших. Ну просто цирк — при Андропове и то обходились без такого зама, а тут на тебе! По слухам, его турнули из райкома за излишнюю принципиальность, и теперь он тщетно пытался привить дисциплину в и без него ределеющие от перестроечных новаций ряды научных сотрудников. Но пока борец за порядок не добился ничего, кроме посвященного своей персоне стиха:

Если в этакую рань  
Повстречался Постигань  
Это значит — дело дрянь,  
Увольняйтесь в ИФИАНь.

Вообще-то Александр вполне допускал, что придется так и сделать, тем более что туда его звали старшим инженером на сто шестьдесят пять рублей, но спешить он не собирался. Ибо не зарплатой единой жив человек! Такой, как у него сейчас или даже как предлагали в ИФИАНе, по нынешним временам единой никак не хватит, нужно не меньше трех, это если брать по самому минимуму. Реально у Александра выходило порядка шести.

Во-первых, триста тридцать в месяц он получал в центре НТТМ, где делал блок управления к мощному лазеру для института геохимии. Точнее, делал он его прямо на своем рабочем месте, только считалось, что это происходит во вне рабочее время. Ну и имелся еще один приработок, ради которого он сегодня и поперся в институт на полчаса раньше официального начала рабочего дня вместо того, чтоб, как все приличные люди, заявиться туда часов в одиннадцать. Нужно было убрать

со своего стола раскиданные там кишки японского стереомагнитофона «Акай», недавно по дешевке купленного в сгоревшем виде. Ибо, как его предупредили вечером, прямо с утра ожидалась какая-то комиссия от партбюро, и Александр подозревал, что имеющаяся на его столе картина будет не очень соответствовать представлениям этой комиссии о труде скромного советского лаборанта, вот и решил сегодня заявиться пораньше и прибрать все лишнее.

Около одиннадцати в подвале, где находилось рабочее место Александра, появились визитеры. Было всего два, но зато один из них оказался завлабом, который тут не был вообще ни разу, да и в институте последнее время появлялся далеко не каждый день. Вторым оказался смутно знакомый тип, который вроде раньше работал в СКТБ при институте, а с началом перестройки двинулся по партийной линии.

— Познакомьтесь, пожалуйста, — вальяжно сообщил завлаб, — это Саша Кобзев, старший лаборант, хозяин, так сказать, данной установки. Саша, это Виктор Иванович Кисин, по решению ученого совета дальнейшие работы на вашей установке будет проводить он.

Ага, подумал Александр, Арутюнян, получается, сожрали. Ибо и хозяином, и автором стоящего посреди подвала устройства был доктор физматнаук Сергей Гайкович Арутюнян. Здесь он изучал какие-то тонкости туннельного эффекта и вроде бы даже достиг определенных результатов. Во всяком случае, он интерпретировал всплески на кривых поглощения как туннельное перемещение частиц, причем не на расстояния, сравнимые с межуатомными, как это наблюдали многие до него, а на полтора или даже два дециметра. Строго говоря, такое туннелирование в принципе можно было уже назвать телепортацией, что Арутюнян и сделал. Поначалу ему как человеку предложили в соавторы кого-то из дирекции, но этот бакинский армянин вдруг

ни с того ни сего уперся. В результате весь последний год в верхах происходила какая-то грызня, а установку Саша включал всего два раза для проведения регламентных работ. Потом Арутюнян вдруг ударился в общественную деятельность и отчалил в свой Баку, где, по слухам, публично клеймил диктат КПСС в науке. Однако продолжал оставаться в штате института. Но раз установку кому-то передают, то это либо уже не так, либо близко к тому. В общем, наш Болтович доигрался, мысленно резюмировал Александр и спросил завлаба, в каком режиме и с чем в качестве испаряемого материала запускать установку.

— Ну, надеюсь, у вас сохранились лабораторные журналы? Попробуйте воспроизвести последний опыт Сергея Гайковича. В общем, завтра я к вам еще зайду.

— Это запросто, — кивнул Саша, мысленно возликовав. Потому как не нравилась ему вся эта возня во-круг хоть и сомнительного, но все же чужого открытия. Да и сама установка торчала на редкость неудобно, перекрывая собой проход в глубь подвала. А последнее включение, произведенное доктором Арутюняном, носило чисто показушный характер перед какой-то шишкой из президиума Академии наук. Клистроны тогда включили в постоянный режим, потому как при этом в камере появлялось очень красивое свечение, а явление нетрадиционного туннелирования наблюдалось только при импульсном. Не сгорели они тогда лишь потому, что показ продолжался всего секунд десять, коих хватило для удовлетворения шишкиного любопытства. Поработай они так еще хотя бы полминуты, и каюк. Вот и ладушки, подумал Александр, подавая питание на установку и включая форвакуумный насос, сейчас эксперимент будет продолжаться до тех пор, пока его руководитель, то есть этот хмырь с кошачьей фамилией, не скомандует отбой. Или пока не погорят клистроны, что гораздо более вероятно. Причем запасных в институте нет, так что, глядишь, после этого установку и спишут.

А сколько в ее силовом блоке дефицитнейших по нынешним временам радиодеталей, Саша знал не понаслышке. И с радостным видом протянул лабораторный журнал Кисину, показав, где следует поставить подпись руководителю эксперимента.

Минут через пять, глянув на показания вакуумметра, а потом в журнал, Александр принял решение вовсе не включать диффузионный насос. Потому как качать он будет часа три-четыре, а этот, блин, кандидат в кандидаты как сидел, так и сидит. На кой хрен он тут еще на полдня сдался, спрашивается? А в журнале в графе «вакуум» стояла какая-то закорючка, которую знающий человек мог перевести как «станд». Правда, Саша-то знал, что стандартным вакуумом Арутюнян считал минус шестую степень, но сейчас тут командует не он, а Кисин. Ему, похоже, хватит и минус третьей, которую сможет дать форвакуумник. Хотя откуда, в насосе же масло уже скоро полтора года как не менялось... В общем, решил Саша, как при минус второй загорится зеленая лампа на вакуумметре, которая означает всего лишь сигнал на включение диффузионника, скажу, что вакуум достигнут, и запрошу разрешения на включение клистронов. Они, поди, в такой грязи не то что минуту, а и пятнадцати секунд не проработают.

Кисин не обманул ожиданий и покорно расписался под своим распоряжением включать клистроны, так что Саша со спокойной совестью подал на них напряжение и вывел на режим. Ох, сверкает-то как красиво, восхитился он, глянув в окошко вакуумной камеры. Куда ярче, чем было в прошлый раз при шишке. Так, десять секунд, пятнадцать, тридцать... На тридцать пятой секунде свечение из камеры резко усилилось, так что ее окошко стало похоже на прожектор, а от блоков питания послышался постепенно повышающийся вой. Нет, подумал Александр, пожалуй, хватит, а то как бы оно тут не рвануло, хотя вроде и нечему. И потянулся к кнопке «стоп», но не успел. Из камеры вдруг по-

лыхнуло настолько ярко, что Саша на мгновение зажмурился, а вслед за этим раздался громкий хлопок, как будто от перепада давления, а затем под ногами дрогнул пол подвала.

Александр открыл глаза. Темно, только у потолка дальше по коридору какая-то узкая полоска света. И тут раздался шорох, а за ним громкий «хлюп», и свет под потолком стал гораздо ярче. Теперь было видно, что это просто кусок безоблачного неба. А там, где раньше стояли распределительные щиты, была невесть откуда взявшаяся земля, комья которой подкатились почти к ногам лаборанта. В обалдении посмотрев на ворочающуюся в одном из них половинку крупного дождевого червя, Александр перевел взгляд на дверь. От только что произошедшего катаклизма она приоткрылась, и теперь оттуда тоже проникал дневной свет.

— Однако, — буркнул Саша, — вот уж действительно, «и ни хрена же себе сходил за хлебушком». Подвиньтесь, что ли, — это он сказал застывшему столбом у двери Кисину.

Лестница за дверью имелась в виде пятиступенного отгрызка. За последней ступенью был земляной завал, но не до потолка. Присев, Александр пролез в щель между завалом и потолком, после чего огляделся. Да, дела... В полной растерянности лаборант смотрел на потолок подвала, срезанный по ровной дуге, и на паркетный круг посреди лесной поляны, на которую он и выбрался. Потом пролез обратно в полутьму подвала и подошел к противоположной от двери земляной осыпи на месте бывших щитов. Да, и тут потолок срезан аналогично. То есть по крайней мере геометрически картина более или менее прояснилась. Но вот фактически... Ладно, подумал Александр, как звучит главный вопрос, задаваемый русским человеком, когда наступает полный этот самый? Правильно: кто виноват и что делать. И если со второй частью вопроса наличествовала полнейшая неясность, то следовало обозначить свою пози-

цию хотя бы по первой. И Александр, повернувшись к Кисину, по возможности грозно осведомился:

— Ну что, доэкспериментировались, недоучки? Эх, жаль, завлаб рано сбежал, еще один, блин, физический гений. Ведь русским же языком говорил Сергей Гайкович, что это именно телепортация, а про нетрадиционный туннельный эффект речь шла только из соображений секретности.

— А... что... что случилось-то? — неуверенным голосом спросил только что пришедший в себя Кисин.

— Что? Да просто по вашей милости нас телепортировало в какую-то задницу. Как и куда теперь выбираться будем, не подскажете?

— Т-туда! — неуверенно ткнул пальцем в сторону двери Кисин.

— Тогда лезьте за мной. Да не сюда, провалитесь! Где вы там застряли? Держите руку, надежда отечественной физики. Ну и как вам поляна?

— Почему здесь паркет? — только и смог вымолвить пораженный Виктор Иванович, выбравшись из полузасыпанного подвала.

— Потому, что зона захвата явно представляет собой сферу диаметром метров пять, и это попавший в нее кусок пола первого этажа. Вообще-то над нами отдел кадров, так что это еще удачно получилось, что тут сейчас не валяются аккуратно отрезанные женские ножки. Видите четыре обрубка? Стулу не повезло, а его хозяйке, которой в момент переноса на нем не оказалось, наоборот.

— Вы говорите о переносе как о непреложном факте? — начал потихоньку приходить в себя Кисин. — Хотя да, лес кругом, а институт был на Ленинском...

— На редкость верно подмечено, — фыркнул Саша. — Кстати, нас явно швырнуло не только в пространстве, но и во времени.

— Почему вы так решили?

— Вы всегда такой тупой или это у вас просто сегодня обострение? Лето же вокруг!

— Ну нас, например, могло забросить в южное полушарие.

— Гляньте вот на эти цветочки. Скажете, что это не одуванчики? А вот это деревце не возьметесь идентифицировать?

— Береза...

— Правильно, только какая-то кривая и мелкая. Итак, у нас с утра было двадцать пятое февраля. В каком месте Южного полушария сейчас конец весны, ибо одуванчики цветут именно тогда? Да и травка кругом довольно молодая. И где в том полушарии растут березы?

— Э... разумно. Если мы только не на какой-то другой планете.

— Полностью идентичной Земле вплоть до наличия точно такой же Луны? Вон он, серп, полюбуйте. В общем, полезли обратно.

— Зачем?

— Да я не настаиваю, можете оставаться на свежем воздухе. Лес-то довольно дикий, и еще неизвестно, кто там обитает. Мало ли в какие времена нас закинуло. Хорошо, если тут только мамонты водятся, а если всякие пещерные львы с саблезубыми тиграми? Хотя вам, я думаю, и простого кабана вполне хватит.

Аргументы лаборанта показали Кисину достаточно убедительными, и он полез обратно в подвал.

— Значит, так, — озадачил его Александр, закончив рыться в ящиках верстака, — стоящая перед вами задача особой сложностью не отличается. Точило видите? Так крутите ручку, и поинтенсивнее, а я попробую сделать нормальный нож.

— Да что вы тут раскомандовались? — возмутился Кисин.

— Вы вроде как член партии? Тогда должны были слышать постулат «кто не работает — тот не ест». Что вы тут жрать собрались, не поделитесь планами? Одуван-

чки несъедобные, сразу предупреждаю. В общем, или вы прекращаете никчемное препирательство и делаете, что вам говорят, или я сделаю нож без вас, но тогда буду обедать, ужинать и так далее в одиночестве.

Изготовление ножа затянулось на два часа, к концу которых Кисин готов был бросить крутить проклятую ручку, несмотря на недвусмысленное предупреждение лаборанта. После чего тот со свежеизготовленным инструментом сходил наружу и вскоре вернулся, вырубив нечто наподобие рогатины. Прикрутив шурупами к ее раздвоенному концу кусок дюраля, Александр с этой импровизированной лопатой подошел к стене за установкой и начал перекидывать землю в центр подвала.

— Вы хотите расширить выход? — на всякий случай поинтересовался Кисин.

— А вы надеетесь на моих харчах так разжиреть, что перестанете пролезать в имеющийся? — разогнулся лаборант. — И, кстати, хорошо, что напомнили. Ваша очередь копать. Где-то примерно в полуметре дальше должен появиться край пожарного щита. Я прикинул, он вроде мог попасть в зону переноса, ну или хотя бы его часть. В общем, копайте, минут через пятнадцать я вас сменю.

Примерно через час телепортированные стали обладателями почти целого багра, лома, небольшого топора, лопаты и конусного ведра.

— Пойдемте наружу, — предложил Александр. — Значит, я сейчас схожу за обедом, а ваш объем работ — вот он. Потихоньку начинайте копать уже нормальной лопатой вот отсюда. Тут соседний подвал, причем самый его конец, где стол дяди Миши и вековые завалы его барахла. Там может оказаться много полезного, так что не ленитесь.

— А если звери? — неуверенно спросил Виктор Иванович.

— Отбиваясь лопатой, отступаете обратно в наш подвал. Я вернусь часа через два-три.

С этими словами лаборант взял ведро, но не конусное, а обычное, какие-то согнутые им из сталистой проволоки загогулины и бодрым шагом двинулся в ту сторону, где местность имела явный уклон.

Электронные часы Кисина не выдержали телепортации, так что время он мог определять только по собственным ощущениям. И примерно тогда, когда они уже говорили ему, что лаборанта нет как минимум полдня, тот появился, что-то весело насвистывая. В одной руке он нес ведро, причем явно не пустое, а в другой — несколько нанизанных на ветку небольших рыб.

— И это все, что вы накопили за целых два с половиной часа? — поинтересовался Саша. — Да, трудновато вам будет нормы-то в лагере выполнять, с такими навыками. При чем тут лагерь? Дело в том, что около озера я нашел разбитый самолет. И, судя по многим деталям, мы попали в Читинскую область, а время — начало тридцатых годов. Ну и где, по-вашему, кроме лагеря, вы можете оказаться, попав в столь интересные времена?

— Вы точно уверены, что тридцатые? — решил пока не обращать внимания на оскорбительные намеки Кисин. — И почему именно Читинская область?

Похоже, что этот Кобзев действительно антисоветчик, правильно про него говорили в комитете комсомола. И еще ходили слухи, что он фарцует не то джинсами, не то аппаратурой, а может, и вовсе валютой. Да, все это так, но вот только...

Виктор Иванович с сомнением оглядел мощную фигуру лаборанта. Вроде он служил в ВДВ... Да, здоровьем природа детинушку отнюдь не обидела, так что с ним надо поосторожней. И как, однако, быстро он освоился в этих совершенно фантастических обстоятельствах! Сам Кисин, несмотря на саднящие волдыри на руках, до сих пор не мог до конца поверить, что все происходящее ему не снится.

— Такой самолет не мог быть сделан раньше двадцать пятого года, уж настолько-то я историю авиации

знаю, — объяснил тем временем лаборант. — Он похож на ранние модели Яковлева. Но у него трехцилиндровый мотор, то есть заграничный, у нас таких не делали, по крайней мере серийно. То есть если бы он был выпущен тридцатого года или позже, на нем бы уже стоял наш М-11. А лежит он там лет пять, сквозь него уже кое-где и деревца проросли. Кроме того, я нашел планшет с тем, что там осталось от карты. Немного, но все-таки Читу видно. В общем, план наших ближайших действий таков. Сейчас вы собираете хворост, я чищу рыбу. Потом я ее варю, а вы еще маленько копаете, там всего ничего осталось. После обеда я попробую собрать приемник, очень не помешает послушать, что тут у нас творится в эфире. Возражений нет? Тогда вперед, нас ждут великие дела.

## ГЛАВА 2

Приемник, собранный лаборантом после обеда, представлял собой магнитофон «Весна» с почти полностью севшими батарейками, к которому снаружи были присобачены ферритовый стержень с обмоткой и конденсатором переменной емкости плюс два диода.

— Да, — кивнул Саша, — практически детекторный, только с магнитофоном в качестве звукового усилителя. Завтра попробуем все-таки откопать в дяди Мишином подвале сейф, там должны быть батареи, тогда можно будет собрать что-нибудь попримичней. А пока слушаем это, только я схожу, растяну антенну.

Быстро выяснилось, что местный эфир на средних волнах вовсе не забит станциями. Удалось на пределе чувствительности выловить только две, да и то слова почти не пробивались сквозь шумы. Но Александр малость удлинил антенну, подстроил контур, и передачи стали слышны чуть лучше. По крайней мере уже можно было попытаться понять, о чем идет речь. Правда, это

оказалось не самой простой задачей, и не только из-за помех. Первая станция вещала:

— Вжжж... уииии... императорское величество... хр-р-р... Ярославской и Екатеринбургской губерний... у-уууу... вжжж...сказал государственный канцлер. У-у-ииии... вжжж... председательством господина Сталина. Хррр-р-р...

Дальше волна окончательно утонула в помехах. Вторую станцию было слышно еще хуже, и там только раз удалось разобрать что-то похожее на «радио Израиля».

— М-да, — мрачно резюмировал Саша, — задница, в которую нас закинуло по вашей милости, при ближайшем рассмотрении оказалась куда глубже, чем оно представлялось поначалу. Это явно не наше прошлое.

— Может, какая-нибудь радиопостановка?

— С господином Сталиным среди действующих лиц? Не делайте мне смешно. И откуда тут взялся Израиль, неужели мы на это убожество смогли поймать их станцию? Хотя она может быть и в Китае, например. В общем, на ближайшее время самой важной задачей объявляется создание приличного приемника. Значит, берите лопату и пошли копать, до темноты еще не меньше часа. Нам нужны батареи и прочее содержимое сейфа.

Через сорок минут интенсивной работы открылся лаз в соседний подвал. Чуть расширив его, Александр взял фонарь и скрылся внутри. Его не было довольно долго, но, когда солнце уже скрылось за лесом, он сначала выпихнул из лаза какой-то сверток, потом сумку и затем вылез сам.

— Судьба к нам милостива, — объявил он, — нашелся приемник дяди Миши, а это «Океан». Правда, он без батареек, а двести двадцать вольт остались в восемьдесят девятом году. Но я захватил «баски», тут нетрудно будет сделать отвод на девять вольт.

— Простите, что захватили?

— Сухие анодные батареи. Но не волнуйтесь, курочить их я вас не заставлю, сам как-нибудь. Э, да вас, я

смотрю, просто качает. Ничего, бывает, это называется реакция. Так, давайте руку и полезли обратно к нам.

В своем подвале лаборант усадил Кисина, у которого действительно все уже плыло перед глазами, на стул, зажег две свечи и полез куда-то за верстак.

— Надеюсь, спирт вам разбавлять не надо? — спросил он, чем-то там шебурша. — Ну и ладушки, а то мало ли, я же не знаю, как там у вас в партбюро пьют.

После всех волнений сегодняшнего дня да плюс еще ста граммов спирта Кисина развезло почти мгновенно. Его хватило только на то, чтобы сделать два шага от стула до угла, где поверх куска поролона был постелен халат, и отрубиться.

Спал он без сновидений и проснулся от громкой музыки.

— С добрым утром, — приветствовал его лаборант и выключил приемник. — Спешу вас обрадовать, что все случившееся вчера вам не приснилось. И мы сейчас находимся не в Советском Союзе, а на земле Российской империи. Правда, какой тут сейчас год, не очень понятно, но это и не так важно. Потому как здесь совсем не такая империя, какая была у нас. Царем сидит какой-то Георгий Первый. Два года назад кончилась мировая война, где мы всем навалили. Правда, кому именно, кроме румын, я так и не понял. Судя по всему, в ближайших друзьях у здешней России немцы, японцы и какая-то Черногорская империя, которую один раз вскользь поименовали «крупнейшей». Кроме того, тут где-то неподалеку от Хабаровска есть государство Израиль, там столица Тель-Авив, а президента зовут госпожа Романова-Курильская, причем эту даму один раз обозвали «ее величеством». Ах да, имеется еще и государственный канцлер, распоряжения которого во избежание неких неназванных неприятностей надо выполнять без волокиты. Про господина Сталина пока ничего нового не сказали. Вот вкратце и все, что мне удалось узнать за полночи.

— Значит, тут не было революции...

— Да, мне тоже так показалось. Вставайте и полезли наверх, пить чай. Мне удалось добраться до дяди Мишиного ящика с рыболовными принадлежностями, так что после чая я собираюсь к озеру. Можете сходить со мной — посмотрите на тайгу, самолет, а потом посидите на бережку с удочкой, говорят, это способствует просветлению духа и очищению кармы.

— Значит, — объяснил по дороге к озеру и самолету Александр, — я исхожу из предположения, что мы находимся в пределах, обозначенных на найденной в самолете карте. Если мы в ее нижнем левом углу, то и до железной дороги, и до Читы километров двадцать. А если в правом верхнем, то до железки триста, а до Читы пятьсот. Причем последнее мне кажется более вероятным, потому как станция, которую мы вчера поймали на детекторный приемник, была именно читинской. А будь мы недалеко от города, прием был бы куда лучше. Так что к цивилизации я предполагаю выбираться только после хорошей подготовки, до холодов еще не меньше четырех месяцев. Впрочем, если вы собираетесь осесть в подвале, обещаю, что никому про вас не скажу. Потому как раз тут не было революции, то это, скорее всего, означает, что с коммунистами здешние власти поступили примерно так, как упомянутый Сталин с троцкистами и уклонистами.

— Нет, я с вами, — отвлекся от своих мыслей Кисин. Ибо как раз сейчас он тоже думал о дальнейших своих действиях. Почему здесь не было революции? Одно из двух — или не образовалась революционная ситуация, что маловероятно, потому как здешняя империя хоть и отличается от той, что была в нашей истории, но, скорее всего, не радикально, пережитки феодализма в виде сословного деления общества сохранились. А это означает, что исторические закономерности тут действуют те же самые. Или не было субъективного условия, при ко-

тором ситуация может только привести к революции, — наличия партии нового типа! А вот это уже вполне вероятно. Мало ли, вдруг здешней охранке удалось схватить Ленина или он даже погиб в пятом году? Кисин смутно помнил, что вождь, кажется, в это время был в России и даже подвергался какой-то нешуточной опасности. А это означает, что человек, вооруженный знанием закономерностей общественного развития и ясно видящий стоящие перед рабочим классом цели, может...

— Мы пришли, вон озеро, а вот самолет, — отвлек Виктора Ивановича от мыслей о грядущем голос лаборанта.

Если бы не это, то Кисин вполне мог бы пройти мимо, ничего не заметив. Просто среди деревьев, часть из которых проросла прямо сквозь дыры в фюзеляже, действительно просматривался маленький самолетик грязно-зеленого цвета со свернутым набок хвостовым оперением и всего одним крылом, да и оно было надломлено посередине.

— Остатки правого крыла вон там, метрах в пятидесяти, им самолет задел за дерево, — пояснил Александр.

— А где пилот?

— Судя по всему, увезли, и, что более вероятно, в живом состоянии. Вот, смотрите — это рукав кожаной куртки, причем он отрезан, а не отгрызен зверьем. Не думаю, что с трупа по частям срезали куртку, а вот с раненого вполне могли. Опять же за пассажирским сиденьем тут ниша, где явно что-то было, но его аккуратно вытащили. Судя по разьему, это, скорее всего, рация. То есть я думаю, что пилот еще до удара об землю успел что-то передать и помощь прилетела быстро. Пилота забрали, был ли тут пассажир — неясно, сняли рацию, а остальное бросили на месте за невозможностью вывезти. Кстати, там под фюзеляжем я, кажется, вижу вторую половину куртки, сейчас попробую до нее добраться.

Нырнув под самолет, лаборант вскоре вылез оттуда с какой-то неопределенного цвета тряпкой. Минут пять

он внимательно изучал ее, потом взял нож, что-то на ней надрезал и вытащил небольшой плоский прямоугольник грязно-желтого цвета.

— Похоже, целлулоид, — буркнул он, поддевая ножом край прямоугольника. — И бумага внутри неплохо сохранилась. Кажется, это довольно мощный документ, полюбуйтеся.

Кисин взял небольшой листок хорошей плотной бумаги примерно с половину формата А4 размером и прочел:

*Государственный комиссариат  
Российской империи*

*Сим удостоверяется, что податель сего выполняет секретное поручение Иркутского губернского управления ГК. Всем представителям местных властей предписывается оказывать ему любое находящееся в их компетенции содействие.*

*Директор ИГУ ГК А. Р. Неясов  
Госкомиссар 1-го ранга Н.Н. Райнович  
08. 05. 1908*

Как и положено, документ заверялся отлично сохранившейся печатью с двуглавым орлом и надписью «Государственный комиссариат Российской империи» по кругу. Причем весь текст, что удивило Кисина, был написан по вполне современной орфографии, без всяких ятей и твердых знаков в конце слова.

— Что ценно, эта бумаженция на предъявителя, — заметил лаборант, убирая ее в карман, — хотя, конечно, дата... Выходит, что тут сейчас идет не то тринадцатый, не то четырнадцатый год. Да уж, если у тутошней России в восьмом году уже были такие самолеты, то понятно, что дела в ней давно идут не так, как шли у нас. Кажется, здесь еще что-то есть. Ого, деньги. И не так уж мало, если здешние цены хоть немного соответствуют

бывшим в нашей царской России. Триста рублей. Деньги, кстати, очень похожи, точно такие же «катеньки» я видел у деда, он их сохранил еще с тех времен.

После чего Александр и деньги тоже убрал в карман, даже не подумав предложить хоть одну бумажку Кисину.

— Так, — сказал он, вставая, — давайте сюда ваш топор, там в носу есть еще какой-то металлический ящичек. И подержите фюзеляж, пока я его буду оттуда выковыривать.

Вскоре ящик был извлечен, и Александр, повозившись над ним минут пять, откинул крышку.

— Что-то вроде аварийного набора, — резюмировал лаборант, разворачивая свернутый в промасленную бумагу большой пистолет с черными звездами на рифленых накладках. — Хм, патроны как у ТТ... Ладно, разберемся. — С этими словами он сунул пистолет за пазуху, а магазин — в карман. — Бинты пригодятся, — продолжил тем временем изучение содержимого ящичка Александр, — в пузырьках, вероятно, лекарства, но непонятно какие. Хм, неплохой ножик, даже, пожалуй, получше моего туристического. Ну а это вам, угощайтесь, от сердца отрываю. — Он протянул Кисину плитку с надписью «Горький шоколад. Кондитерская фабрика братьев Варшавер, Иркутск».

Да уж, где-то спустя полчаса думал Виктор Иванович, смотря на неподвижный поплавок, с попутчиком мне не повезло. Хотя, конечно, его решительность чем-то даже и импонирует, но, пожалуй, наши с ним пути должны разойтись. Но вот когда? Если сразу по достижении первого же города, например Читы, то что мне делать там одному, без знакомых и без денег? А даже если этот Кобзев и поделится, то все равно оно радикально ситуацию не изменит. С ним как-то спокойней, но уже сейчас ясно видно, что никакой роли, кроме как мальчика на побегушках, он для Кисина не мыслит.

— Ну и как улов? — раздался сзади голос лаборанта. — Что, за полчаса ни одной поклевки? Странно, у меня там рыбы аж дрались за право клюнуть первой. Ну-ка... Ага, хоть тут рыба и голодная, но на пустой крючок все-таки клевать не хочет. Вы червя-то туда насаживали? Ах, не помните... Бывает. Я, кстати, тоже малость поразмыслил о наших дальнейших действиях. Разумеется, время обдумать их еще будет, но одно я могу сказать точно — бежать к местным властям с криком: «Радуйтесь, я явился к вам из будущего!» — меня совершенно не тянет. Если у вас есть такие планы, то сообщите о них мне, во избежание. Ну а если нет, то научитесь наконец по-человечески насаживать червя на крючок! Это делается вдоль, а не поперек, чтоб вы знали. И забрасывать нужно не у себя под носом, а хотя бы метра на три. Да чего же вы сидите как памятник Марксу, когда клюет! М-да... Ладно, похоже, мне лучше самому поймать еще с десятков здешних ратанов, которых нам пока не хватает до запланированного улова. По крайней мере тогда этот процесс не затянется на неделю.

Утром двадцать девятого июня тысяча девятьсот сорок первого года в числе многих подобных в секретариате государственного канцлера оказалась и такая бумага:

*Шифр: Недохват*

*Отправитель: Читинский филиал 6-го отдела ОК*

*Настоящим доношу, что при проведении плановой проверки согласно распоряжению № 136 от 25.05.14 двое из отбывающих поездом Чита — Москва оказались проверяющему уряднику Етоеву подозрительными. На просьбу предъявить документы младший из них показал письмо ИГУ ГК по форме 8, которые использовались только при подготовке экспедиций по изучению тунгусского взрыва. Согласно инструкции урядник сделал вид, что представленный документ его вполне устраивает.*

*Упомянутые лица едут в 4-м вагоне, 6-м купе. В 5-м*

*вагоне для наблюдения отправлен наш агент «Август». В настоящее время выполняются фотороботы данных господ.*

*Приложения:*

*Словесные портреты вызвавших подозрение — 2 стр.*

*Выдержка из личного дела агента «Август» — 1 стр.*

*Зам. нач. ЧФ б. ОК ротмистр П. Ф. Конецкий*

А в час дня в Иркутский филиал Департамента охраны материнства и детства ушла следующая шифрограмма:

*Срочно. Секретно.*

*Немедленно принять меры по установлению плотного наблюдения за двумя господами, едущими в 6-м купе 4-го вагона поезда номер 18 Чита — Москва. Агента шестерки «Август» от наблюдения освободить. В ближайшее время вам придут фотороботы подозреваемых из Читы. В Красноярске ваша бригада будет усилена специалистами из центрального управления ДОМа. Задержание подозреваемых разрешаю производить только в случае явной попытки выйти из-под наблюдения. Рапорты — на мое имя не реже раза в сутки.*

*Т. В. Князева*

Вечером же состоялся телефонный звонок из кабинета государственного канцлера генерал-лейтенанту Алафузову: «Иван Илларионович, Найденов на связи. Поздравляю, ваши читинские сотрудники нам очень помогли. Да, это дело расследует Татьяна Викторовна. Кстати, обязательно наградите того урядника. Ну орден там или не орден, это вам виднее, но премию дайте не меньше пятисот рублей и заодно предоставьте ему внеочередной отпуск. И пусть господину уряднику наметнут, что если он вдруг соберется провести этот отпуск в Питере, но тамошние гостиницы ему чем-то не понравятся, то в Гатчинском дворце очень приличное обслуживание и там будут рады таким гостям».

### ГЛАВА 3

В процессе прочтения бумаг из Читы я испытывал вполне законную гордость. Кажется, мне все же удалось создать такую систему, которая и без меня работает как положено! Несмотря на некоторые проколы. Ну потеряли бумагу-вездеход. Бывает, это же случилось перед самым тунгусским бабахом, причем тогда, насколько я помню, еще и целый дирижабль пропал, его еле нашли уже после взрыва. Вчера я проверил — ко мне доклад об этом пришел своевременно, но никакой особой реакции тогда не вызвал, потому как уже через две недели такие документы становились недействительными. Обошлись простым напоминанием об усилении бдительности по пунктам таким-то и таким-то. Зато теперь еще до официального распоряжения подняли архивы, отыскивали координаты места аварии, а приказ из Гатчины послужил лишь отмашкой для старта трех «Тузи-ков». Так что уже на второй день прочесывания местности был найден, как писалось в рапорте, «железобетонный бункер со следами неидентифицируемой катастрофы технического характера на внешних поверхностях». Далее старший поисковой группы принял самое правильное решение — сделал внешние фотографии со всех ракурсов, но внутрь не полез, а выставил охрану и запросил инструкций. В силу чего завтра с утра мне предстоял дальний полет, но не на Канары, с этим придется обождать, а в Читу и далее двести с небольшим километров на северо-восток.

— Считаешь, что это дело требует присутствия на месте целого канцлера, — задумчиво сказал мне Гоша за ужином. Это был не вопрос, а просто уточнение, ведь происшествие действительно имело исключительную важность.

— Не только канцлера, но и самого квалифицированного в империи технического специалиста по дан-

ной проблеме, а это опять-таки я. Так что никуда не денешься, лететь мне туда надо, и чем быстрее, тем лучше.

— А эти посланцы не пойми откуда, с ними что делать, уже решил?

— Да пусть себе едут потихоньку, они еще и до Казани не добрались. Танечкиных сотрудников в поезде вполне достаточно, вчера нашим гостям и вообще в купе прослушку поставили, так что никакого аврала на этом направлении я не вижу.

И вот спустя сутки с хвостиком я вылезал из «Пчелки» рядом с разбившимся шесть лет назад «Тузиком», а после двадцатиминутной прогулки по забайкальской природе стоял перед тем самым бункером.

То, что это результат обмена сферических кусков пространства радиусом около пяти метров, я увидел сразу. Блин, что-то это мне напоминало, то ли я про такое уже где-то слышал, то ли читал... Оба прохода внутрь, которые попаданцы перед уходом кое-как замаскировали, были уже расчищены, два сапера в полной готовности ждали отмашки.

— Давайте, — кивнул я им и присел на раскладной стульчик.

Через сорок минут мне доложили, что признаков минирования не обнаружено, и я, взяв еще один мощный фонарь в дополнение к имевшимся у саперов, полез внутрь. Передо мной предстал кусок подвала явно лабораторного вида, причем советских времен. А у левой стены стояла установка, сразу показавшаяся мне знакомой. Япона мать, да это на нее я лично устанавливал клистроны году где-то в восемьдесят шестом! По заказу... дай бог памяти... как же его там... да, доктора Арутюняна. Кажется, его звали Сергей, а вот отчества не помню. Точно, и блоки питания знакомые. На испытаниях я обнаружил, что смежники из института автоматки схалтурили, на предельной мощности где-то через полминуты работы блоки начинали возбуждаться. Но Сергей сказал, что наплевать, они все равно должны ра-

ботать только короткими импульсами, режим постоянного излучения программой эксперимента вообще не предусмотрен, а времени на переделку нет. Потом, года через два, случился довольно известный скандал. Поначалу говорили, что по неизвестным причинам исчезла часть лаборатории, причем это сопровождалось жертвами, потому как на месте нее оказался вакуум. Затем выяснилось, что в процессе катаклизма куда-то испарилось приличное количество редкоземельных металлов, но вскоре они непонятным образом конденсировались во Франции. Но тут развалился Союз, и расследование заглохло само собой, оставив у слышавших про него впечатление, что взрыв если и имел место, то являлся всего лишь прикрытием крупномасштабного воровства. А на самом деле, кажется, это все-таки были разные процессы.

Я взял лабораторный журнал. Последние записи датировались двадцать пятым февраля восемьдесят девятого года, и отметка об окончании эксперимента отсутствовала. Вот, значит, откуда сюда явились гости. Однако ничего так себе туннельный эффект получился у Сергея — не какую-то там частицу через запрещенный для нее энергетический уровень, а чуть ли не целую лабораторию туннелировало между мирами! Но только почему на месте исчезнувшего подвала получилась пустота? По идее там должен быть забайкальский грунт. Ладно, с этим как-нибудь потом разберемся.

Я вылез из подвала и, распорядившись продолжать охрану места катаклизма, направился к «Пчелке». В ближайшее же время следует вывезти отсюда все, что подверглось переносу, за исключением разве что стен и потолка самого подвала. Хотя пусть специалисты подумают, нельзя ли и их тоже, дирижабли, пожалуй, и такое поднимут. Кстати, а что дальше случилось с Арутюняном? Кажется, он пропал в девяностом году, во время бакинского погрома. Надо будет прикинуть, стоит ли пытаться это уточнять, и если да, то как. Оно, конечно,

хорошо, что перенос получился случайно, но это также и означает, что данная случайность нуждается в тщательных исследованиях. Из чего вытекает: жизни и здоровье наших гостей приобретают дополнительную ценность. Впрочем, их и так охраняют со всем старанием.

Прибыв в Москву, невольные путешественники между мирами сняли небольшую двухкомнатную квартиру в доходном доме на Якиманке. Вообще-то деньги у них уже кончались, несмотря на то что за время путешествия удалось слегка поправить финансовое положение. Едущая в соседнем купе пожилая супружеская пара оказалась большими любителями преферанса, а у Кисина все же нашлось хоть что-то, что он мог делать сколько-нибудь терпимо, вот он сошел за партнера. В общем, Александр быстро выиграл у супругов четыреста рублей, потом, правда, проиграл им обратно двести двадцать. Но зато теперь у гостей были не только деньги, но еще хоть и шапочные, а все же знакомые в здешней Москве. Саше было даже жаль мухлевать со столь приятными в общении людьми, но что поделаешь... Правда, он не знал, что Никодим Петрович, так звали супруга, в общем сохранил самые приятные впечатления от игры, что он и отразил в рапорте. Несмотря на то что он являлся специалистом с более чем двадцатилетним стажем, один из приемов Сашиного жульничества показался ему достойным внимания. Да, разумеется, исполнен он был на редкость дубово, но сама идея пришлась Никодиму Петровичу по душе как интересная и пригодная для дальнейшей разработки. А вообще, глядя на неуклюжую игру лаборанта, он с ностальгией вспоминал свою далекую молодость, и его рапорт Татьяне Викторовне завершался словами о том, что у молодого человека есть определенный потенциал.

Кроме поправки своего финансового положения в поезде путешественники изучали приобретенную в станционных киосках прессу этого мира. Обзорную ин-

формацию они почерпнули из майского номера «Нивы», купленного в Иркутске. Так как недавно у здешнего царя был день рождения, то первые десять страниц посвящались этому событию.

Царь как царь, думал Александр, разглядывая цветные фото, чем-то даже похож на Николая, если того побрить. А это еще что? На четвертом снимке был изображен бородатый мужик в эсэсовской форме, зеркальных очках и со здоровенным, чуть ли не с рысь, рыжим котом у ног. Государственный канцлер? Охренеть и не встать. И в газетах, кажется, попадались подобные иллюстрации? Ну-ка, ну-ка...

— Значит, дорогой Виктор Иванович, — пояснил он своему спутнику по завершении обзора прессы, — если вам навстречу вдруг попадет гестаповец, не нужно в панике орать «Хайль Гитлер». Это здесь так одеваются комиссары во главе со своим канцлером.

— А кто они вообще такие и чем занимаются, вы не поняли?

— На основе имеющейся у меня информации я могу сказать только то, что их задачей является надзор за исполнением предписаний центральной власти. То есть если, как в песне, кто-то кое-где у них порой честно жить не хочет, то туда приезжает комиссар и учиняет такое, что уцелевшие, вылечившись от заикания, на несколько лет вперед приобретают мощный заряд трудолюбия и бескорыстия.

— Выходит, у них тут сейчас разгул реакции, — вздохнул Кисин.

— Ага, только довольно своеобразной. Вот, например, полюбуйте. — С этими словами лаборант протянул Виктору Ивановичу газету «Труд». Под названием сообщалось, что это орган ЦК объединенных профсоюзов Российской империи.

— Кстати, там на третьей странице они даже и по канцлеру немножко прошлись. Где? Да вот, смотрите: «И хотя мы отлично понимаем возмущение государст-

венного канцлера при виде столь вопиющих нарушений норм техники безопасности, нам все же кажется, что он мог высказать его и в несколько более цензурных выражениях».

— Это значит только то, что здешние правящие круги как-то смогли подчинить себе профсоюзное движение.

— Как-то? Да небось как у нас. Хотя не совсем, наших как ни обматери, они только утрутся. Ладно, не надо тут среди меня проводить агитацию, лучше вот это почитайте. «В небе Атлантики» — воспоминания летчиков второй АУГ в художественной обработке Алексея Толстого. Даже если тут всего на треть правды, то все равно повоевали они здесь очень лихо.

А потом в соседнем купе появилась та самая супружеская пара. Причем супруги оказались столь любезны, что рассказали провинциалам, где лучше снять квартиру и как это вообще делается в Москве.

Так что вопрос с жильем решился несколько проще, чем это представлял себе Саша. Теперь предстояло определиться с работой, из-за чего он сегодня и проехал до конечной остановки на трамвае-тройке. Она называлась «Нескучный сад», и по правую сторону Калужского шоссе именно он и находился. А слева был большой завод, до недавнего времени принадлежавший братьям Бромлей, а ныне просто Первый московский станкостроительный. Саша знал это предприятие, в его мире оно называлось «Красный пролетарий», или по-простому «Кырпыр». Вот он и решил посмотреть, как тут выглядит ситуация на рынке труда. Чего больше, спроса или предложения, кого куда берут и какие документы для этого нужны.

Часа через три, получив кое-какие сведения, лаборант двинулся к трамвайной остановке, и тут его внимание привлекла идущая впереди девушка. Она несла сумку, причем, судя по всему, довольно тяжелую. Вот девушка остановилась и со вздохом поставила свою

ношу на землю. А она очень даже ничего, подумал Александр и, подойдя, предложил:

— Разрешите, я вам помогу? А то просто сил нет смотреть, как такая красавица мучается.

— Ох, конечно, я буду так вам благодарна! Вы, наверное, из столицы? Одеты-то как модно и обращение какое галантное. Ах из Читы? Никогда не была, наверное, хороший город. А тут хоть помри прямо посреди улицы, никто и не повернется! Все прямо как мой инженер Каганович, у которого я в услужении.

М-да, подумал Саша, беря сумку. Вас бы в социализм! А то уже и шесть-семь килограммов весом считают, посмотрели бы, по сколько зараз тетки из какого-нибудь райпо тащат, когда там дефицит дают.

— Нам вон в тот дом, видите? До него можно и на трамвае доехать, но зачем же туда лезть ради одной остановки. Вот сдам ему продукты, и пусть эта метростроевская морда ими подавится! Предпоследний день у него, жадюги, работаю. Ой, спасибо, вы так мне помогли, что я и выразить не могу. Почему метростроевская? Да он же на строительстве метро работает. Как, вы не знали? В Москве уже полтора года метрополитен строится! И будет он не как в каком-нибудь Лондоне, а гораздо лучше. Примерно через год обещают поезда пустить. Слушайте, а давайте я вас чаем напою? С черничным вареньем. Тогда подождите, я сейчас быстренько отнесу эту сумку, а живем мы с подругой чуть подальше, у самой Калужской площади. Господи, я же даже не спросила, звать-то вас как. Саша? И я тоже Саша, надо же, какое совпадение. В общем, подождите, я быстро.

Жила Саша со своей подругой Мариной на последнем, пятом этаже большого дома за маленькой церквушкой, которую, как помнил Александр, взорвали где-то в конце семидесятых. Год назад они приехали в Москву из Курска, ну и уже маленько обжились тут за это время. Марина работала в недавно открытой гостинице «Октябрьская», а вскоре туда должны были взять и

Александрю. Квартира у девушек была даже чуть меньше, чем снимаемая Кобзевым и Кисиным, но зато трехкомнатная. А кроме того, тут имелся и такой явный признак зажиточности, как магнитофон.

— Мы на него полгода копили! — гордо объявила Саша. — Хотите, поставим вам Шаляпина? Такой запиши ни у кого нет, это он неделю назад пел в «Октябрьской», а Марина смогла записать. И еще у нас есть пленка, где Северянин читает свои гавайские стихи, он тоже там останавливался весной, проездом в отпуск.

Однако с Шаляпиным поначалу получился небольшой конфуз. Вместо музыки магнитофон забубнил что-то невнятное.

— Еще позавчера нормально играл, — растерянно сказала Марина.

— А ну-ка, девушки, дайте я посмотрю, — предложил Саша. Да, подумал он, это вам не наша история. Магнитофон вроде советского «Тембра» в четырнадцатом году! Хотя чему тут удивляться после авианосцев и самолетов, по картинкам и описаниям вполне соответствующих началу Второй мировой, если не ее середине. А вот трамваи почему-то почти как у нас в те времена. Но пленка тут суровая. Похоже, ацетатная, причем больше смахивает не на тип шесть, а вообще на тип два или даже один. Это же натуральная смерть головке. Хотя, может, ее еще не запилило, а просто загадило?

— Не найдется у вас спички, ватки и пары капель спирта? — спросил он у девушек. — И немножко машинного масла не помешает, хотя откуда оно тут...

— Которым «Зингер» смазывают, подойдет? — спросила Марина.

К счастью, головка оказалась всего лишь засорена, и через пятнадцать минут лаборант, почистив и смазав механизм, сам включил воспроизведение. Теперь из магнитофона послышалось настоящее пение Шаляпина.

— Да вы просто волшебник! — восхищенно всплес-

нула руками Саша. — Это надо отметить, вот и Марина тоже так думает.

Действительно, та уже доставала из шкафа бутылку кагора и бокалы.

В результате Александр явился домой около часу ночи. А через день он сообщил Кисину, что без документов человеку с улицы тут можно устроиться только катать тачку в метрострой или подсобным рабочим в литейку первого станкостроительного. Но у него, Кобзева, получилось пролезть в электрики гостиницы «Октябрьская». А кроме того, появились и знакомые, которые, возможно, смогут помочь с документами. Паспорта тут еще не у всех, так что для начала хватит машинописной справки от управы с предыдущего места жительства.

#### ГЛАВА 4

После того как наши гости благополучно прибыли в Москву и осели на приготовленной для них квартире, я все-таки слетал на недельку к своим канарским кошкам и помидорам. Операцию прикрытия, которая проводилась параллельно с «Недохватом» и должна была показывать имеющимся (а вдруг? чем черт не шутит) кротам в наших спецслужбах, что пресекается какая-то утечка важной информации со спецобъекта под Читой, доведут до конца и без меня. Я же просто отбыл на дачу с несколько большей помпой, чем обычно, каковая по идее должна была навести интересующихся на мысли, что на самом деле я улетел куда-то совсем в другое место. В верховья Подкаменной Тунгуски, например, с целью опять что-нибудь там взорвать, причем похлеще, чем это было в восьмом году.

Вернувшись в Питер, я с удивлением услышал от величества, что ему, Гоше, было бы интересно взглянуть на Кисина.